

## **И всё-таки море останется морем...**

Быть бы Мыколе (так звучит имя Николай на украинском языке) летчиком, да видно не судьба. Как учился паренек в Дубовском педучилище, так и остался в нем до окончания. Хотя сделал-таки попытку поступить в Грозненское летное. Причем, успешную. Однако мать вызов порвала на кусочки. Сына же строго предупредила: «Осядься!».

Несостоявшегося летуна призвали в армию в 1939 году. Не приводнился, а приземлился Коля Цуменко под Керчью. Курс молодого краснофлотца проходил на строительстве берегового укрепления. Утром «подъем!», физзарядка и еще целый день «физзарядка» с киркой, ломом, лопатой в руках. И не один год – больше!

*– В скалистой породе долбили ниши под дальнобойные орудия. Под ними – глубокие погреба для хранения боеприпасов. Командиры нам, салагам, сачковать не давали. Подгоняли, торопили. Может, повлияла на настроение финская война? Или скрытые слухи о том, что немец что-то затевает? Как бы там ни было, мозоли на ладонях наших напоминали подошву, – вспоминал далекое прошлое уже не Мыкола, которому в ту пору было 19-20 лет, а Николай Николаевич, 86-летний ветеран Великой Отечественной.*

Возраст солидный. За ним приоткрывается смысл долгой жизни человека. Полной счастья и тревог, труда и испытаний в мирное и грозное время.

В сорок первом памятном году не репродукторы прокричали беду по береговым батареям под Керчью. Во время учебной тревоги, когда расчеты в какой уж раз за день занимали свои места у 120-миллиметровых орудий, командир батареи «сыграл» тревогу и, поперхнувшись, словно чем-то перехватило горло, с трудом, глухо произнес перед необстрелянными парнями: «Война!».

*– С чего она началась для нас? С обороны. Бомб немцы на нас не жалели. Летел ракушечник, скалистая порода. Пыль застила небо. Стояла жара. Хотелось пить. Из личного оружия имели мы одни винтовки и гранаты... Пришло время, когда немцы окружили нас, обойдя стороной. Выходили мы из окружения по воде, ночью. Падали, снова поднимались. Удалось под носом у врага, что засел на Чаудинском маяке, пробраться и соединиться с другой нашей батареей. Это придало нам сил: мы не одни...*

*Приказа об отступлении не поступало. Видно, жарко приходилось всем. Уберечь бы людей, удержать бы оборону, фронт. А где он был, этот фронт? Мирное население пешком, на повозках вместе с передислоцирующимися войсками, где еще не было немцев, шло и шло. Куда? А вперед. Лишь бы там не было войны. Куда там! Бойня была повсюду. На*

*бреющем полете стервятники из пулеметов поливали свинцом всех подряд: детей, стариков, женщин, мужчин. В армейском обмундировании ты или в гражданском. Досталось и мне... С пулеметной установкой на полуторке я, как командир расчета, получил приказ через толкучку людского потока пробиться к дамбе. Чтоб, значит, прикрыть отход. Только добрались до места, три «хенкеля» атаковали бомбами. Взрывом опрокинуло нашу машину. Станина пулемета оказалась на моих ногах.*

Не видел, не слышал молоденький краснофлотец, как юная санитарка, отчаявшись под бомбами собрать людей, чтобы сбросить с ног бойца тяжеленный «арлекон», со слезами на глазах тянула жилы, пытаясь сдвинуть почти тонну стали. Мужество девчонки заставило собраться помощникам. Они же погрузили краснофлотца на машину. Обо всем произошедшем ему рассказала санитарка-спасительница, когда Николай пришел в сознание. В госпитале Цуменко пролежал недолго.

*– Ноги оказались целы. Из Керченского госпиталя сперва пароходом, потом машиной перевезли меня в Краснодар. Здесь на лечении я находился полтора месяца. Дальше было все, как в песне: по морям, по волнам... Поставили в строй сухопутчиков, но тут же, в течение суток, получил другое назначение – во флот. На судне «Конка» пристроили меня в боцманскую команду... Капитан Коробко, помню, по поводу моего появления на судне еще ругнулся: «Что за черт! Кого только не шлют, а артиллериста нет!». Вытянулся я во весь рост и доложил капитану: «Я – артиллерист!». Словом, началась морская служба... У тех, кто ходит на судах, есть хорошая поговорка: бери ложку, бери бак – нету ложки, хлебай так. Нам же чаще приходилось бросать ложки, становиться к орудию, пулеметам. Война есть война. На ней чаще люди умываются не слезами – кровью. Господи, спаси нас и сохрани! Не дай снова пережить то, что досталось нам...*

Под Анапой в начале сорок третьего «Конку» в прямом смысле слова расстреляли фашистские летчики. Суденышко пошло ко дну. Команда из пробковых матрасов соорудила плотик. Двоим места не хватило. Татарин Ахметзянов и Цуменко, держась за выступающую из моря мачту, трое суток без воды и пищи ждали подмоги. Их спасли. Вконец обессиливших и потерявших всякую надежду.

Катер «Черноморец», на котором продолжал воевать Николай, взлетел на воздух, подорвавшись возле берега на mine. Краснофлотец по счастливому сложению обстоятельств в это время находился на суше. Выполнял приказ командира.

А потом была «Хоста» – судно торгового типа. С Малой земли под жутким огнем приходилось экипажу вывозить раненых в Поти, Батуми, другие порты или местечки, где можно было причалить.

На тральщиках срезали поставленные противником мины.

На катерах участвовали в высадках десанта. В сорок третьем, чтобы выбить немцев из Керчи, с самоходных, быстроходных барж, больших резиновых лодках десантники спрыгивали зачастую в ледяную воду: так быстрее достичь берега. Николай Цуменко и Гриша Триль из Новороссийска, когда высадили десант из своей лодки, никак не могли вывести ее в море. Волны пополам со снегом вновь и вновь выбрасывали ее на сушу.

*– Все-таки мы отчалили от берега. А тут неподалеку мина взорвалась. Осколками посеколо резиновую лодку. Она – на дно, мы – на воду. Гришка с детства, с рождения на море. Разделся в два счета и поплыл к берегу по салу. Это вода со снегом. Не доплыл. Что-то крикнул и исчез под волной. Я в бушлате, брюках бултыхался на месте. Не помню сколько, но очнулся, почувствовав, как огненная вода понесла по жилам тепло. Подобрали меня моряки с катера. Растерли и напоили водкой...*

Войну закончил на тральщике «Арсентий Раскин». Домой, в Петропавловку, где жили мои родители, вернулся не один – с женой Натальей и сынишкой Валентином. Потом родится еще дочь Людмила.

Как сложилась дальнейшая жизнь Николая Николаевича? Долгое время он работал воспитателем в Дубовском детдоме. Была когда-то контора заготскота в районе, здесь ему тоже нашлось место. А уж охотники и рыболовы, которые прежде увлекались этим видом спорта, до сих пор помнят председателя общества Н.Н. Цуменко. Интересный, увлеченный он человек, ценивший и берегавший живую природу. Перед пенсией Николай Николаевич трудился на ДОЗе.

К сожалению, овдовел ветеран. Но нашел в себе силы переломить тоску. Общителен, много читает, пробует поэтическое перо. Рисует маслом картины. На них находится место морю, парусникам...

**Анатолий МАЗНИЦКИЙ**

**(«Сельская новь» от 12 сентября 2007 года)**